

10 коп.

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ

**ВРЕДИТЕЛЬСТВО
КАК ОНО ЕСТЬ**

1930

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО

Г. КРЖИЖАНОВСКИЙ

ВРЕДИТЕЛЬСТВО
КАК ОНО ЕСТЬ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
МОСКВА 1930 ЛЕНИНГРАД

ОТ П Е Ч А Т А Н О

**в 1-й Образцовой типографии
Гиза. Москва, Валовая, 28.
Главл. А-53296. А.01. Гиз. 38437.
Тираж 500000. экз Заказ 502.**

20, п я

За последние два года в ряде отраслей хозяйства Союза были обнаружены и ликвидированы вредительские организации антисоветской части верхнего слоя инженерства. Продолжительность существования контрреволюционных организаций, широкие масштабы их вредительской деятельности и наконец ярко поставленные политические цели, — все это вместе взятое не может не привлечь к себе внимания советской общественности.

Было бы глубоко ошибочным рассматривать вредительство подпольных организаций реакционных слоев специалистов как явление случайного, эпизодического порядка, не связанное глубочайшими корнями с ходом пролетарской революции внутри страны и с международным положением рабоче-крестьянской республики.

Вредительство, осуществляющееся в течение ряда лет в промышленности Союза, является одним из видов непримиримой антисоветской борьбы классовых врагов пролетарской диктатуры и социалистического строительства.

На всех этапах жизни республики в то время, когда рабочий класс отбивал яростный натиск интервенции, когда он самоотверженно работал над восстановлением разрушенного народного хозяйства, когда наконец страна вступала на путь социалистической реконструкции, — вредительские организации не прекращали своей разрушительной деятельности, вдохновляемой бывшими собственниками и агрессивными группировками заграничной буржуазии.

Следственные материалы по делам о вредительских организациях убедительно говорят о том, что вредительство с такой же исторической закономерностью было вызвано к

жизни бешеным сопротивлением Октябрю со стороны свергнутого буржуазного класса, как и все другие виды антисоветской борьбы: белогвардейские восстания, террор, интервенция.

Вредительство необходимо поэтому рассматривать как основную тактическую форму, созданную своеобразием условий контрреволюционной борьбы на экономическом фронте. Совершенно очевидно, что в 1918—1920 гг. параллельно с развитием гражданской войны не могла не возникнуть скрытая, подпольная борьба реакционных сил на участках промышленной жизни страны во имя возвращения фабрик, заводов и предприятий в руки буржуазии.

Образованию вредительских организаций на базе реставрационных стремлений буржуазии содействовали социальный состав верхнего слоя инженерства, его отношение к Октябрьской революции и общность интересов с бывшими собственниками.

Основную и руководящую группу членов вредительских организаций составляли лица, неразрывно связанные всей своей идеологией и материальными интересами с буржуазно-помещичьим строем. В первую очередь следует остановиться на категории бывших капиталистов, владевших до Октябрьской революции промышленными предприятиями, состоявших участниками акционерных обществ и держателями крупных банковских вкладов.

Анализируя личный состав раскрытых до настоящего времени вредительских организаций, мы видим, что бывшие капиталисты являются центральными фигурами антисоветской деятельности.

Помимо бывших капиталистов, политическую физиономию личного состава организаций определяли в значительной степени военные инженеры, занимавшие видное положение при старом режиме.

Среди вредителей в военной промышленности насчитывается 10 бывших генералов и 19 полковников. Совершенно ясно, что эти бывшие люди по своему воспитанию в царской армии являлись надежными ландскнехтами капитала и непримиримыми врагами пролетарской диктатуры.

Личный состав контрреволюционных организаций конечно не исчерпывался приводимыми выше категориями махровых вредителей.

С ними тесно срачивалась группа старых специалистов, не имевших в прошлом ни предприятий, ни капиталов, но занимавших привилегированное правовое и материальное положение при бывших хозяевах.

Это та самая верхушечная прослойка инженерства, которую один из вредителей назвал «обер-офицерами капитала». По своей идеологии, формировавшейся в течение десятков лет, по личным связям с представителями буржуазии, наконец в силу глубоко вошедших в привычку дореволюционных методов работы эти люди не могли примириться с существованием советского строя.

Весьма сложный комплекс самых разнообразных мотивов — идейных, служебных, материальных и кастовых — толкал их на борьбу за реставрацию капитализма теми методами, которые прямо вытекали из их технической специальности, а именно — вредительством и срывом индустриализации страны.

Руководящее ядро организации прекрасно понимало, что пополнение кадров вредителей за счет середняцкого инженерства и молодняка возможно только при условии предварительной обработки инженерской общественности путем пропаганды антисоветской идеологии, насаждения неверия в социалистическое строительство, использования кастовой этики, научного авторитета вождей вредительства, их ответственного служебного положения и т. д.

Иными словами, попутно с практическим подрывом промышленности Союза происходила неустанная планомерная борьба за обладание основными кадрами, состоящими из лояльных, аполитичных, либо оппозиционно настроенных рядов специалистов.

Анализ личного состава вредительских организаций ставит во весь рост, но только в несколько ином разрезе, жгучую проблему о кадрах промышленности и народного хозяйства.

Нарастание классовых боев внутри страны и усиление агрессивности империалистических государств находят свое

отражение в попытках контрреволюции овладеть инженерством и сделать его орудием реставрации буржуазного строя.

В недрах инженерского состава и специалистов различных отраслей народного хозяйства происходит медленный процесс политического расслоения.

Приходится констатировать, что при наличии бешеных темпов консолидации вредительских элементов противоположный процесс — доподлинная и глубокая советизация лояльного инженерства — происходит недостаточно интенсивно. Это зависит главным образом от чисто субъективных причин, которые лежат в самой инженерской среде. Специалистам остается еще сделать последний шаг, чтобы слить свою судьбу с ходом социалистического строительства и идти до конца с рабочим классом, отдавая ему свои знания, труд, а если понадобится, то и самую жизнь.

Только такой безграничный энтузиазм революционного творчества, только полное забвение всех пережитков прошлого, противоречащих интересам трудящихся масс, помогут инженерству найти правильный путь в обстановке последнего решительного боя с остатками капитализма в нашей стране.

II

Обширные следственные материалы в виде показаний обвиняемых дают основание для вывода, что тактика вредительских организаций находилась в самой тесной зависимости от международного положения рабоче-крестьянской республики. Иначе и не могло быть, поскольку вредительство, являясь оружием для свержения советского строя, находилось в руках бывших собственников и мирового капитала.

Надежды на неизбежное и притом скорое падение советской власти под воздействием интервенции и блокады накладывали в 1918—1920 гг. особый отпечаток на антисоветскую деятельность контрреволюционных группировок.

В этом периоде вредительская тактика и директивы бывших собственников сводились к консервированию предприятий, задержке их пуска, сокращению эксплуатационной ра-

боты и сокрытию недр от использования их советской промышленностью.

Международная обстановка и положение внутри страны резко изменились после разгрома интервенции. Капиталистический мир потерял надежду на свержение советской власти при помощи вооруженной силы. В то же время Европа переживала острый экономический кризис, порожденный империалистической войной и выходом русского рынка из системы мирового хозяйства.

После позорного провала интервенции дипломатам предстояло изыскать новые методы для «изживания большевизма». Глашатаем мирной тактики явился наиболее гибкий политик буржуазного лагеря — английский премьер Ллойд-Джордж. Наскоро состряпанная теория отмирания советского строя под влиянием экономического общения с капиталистическими странами была положена в основу дипломатического наступления против рабоче-крестьянской республики.

В 1922 г. состоялись конференции в Генуе и Гааге, на которые впервые были приглашены представители советского правительства. Столкновение двух миров, развернувшееся вокруг так называемого «русского вопроса», ярко освещает новые тактические формы борьбы против диктатуры пролетариата.

Для нашей цели важно отметить, что одним из основных пунктов майского меморандума капиталистических держав в 1922 г. было требование возврата иностранным собственникам национализированных предприятий, либо, в крайнем случае, компенсирования убытков путем предоставления концессий. Эта идея ликвидации советского строя путем реставрации опорных пунктов капитализма составляет скрытое содержание ультимативных предложений европейских дипломатов.

Расчеты империалистов не вызывали сомнений. Буржуазия была уверена, что Советская республика, обессиленная интервенцией, голодом и хозяйственной разрухой, пойдет на капитуляцию и допустит широкую экспансию частного капитала в экономике страны. Генеральная ставка делалась на занятие командных высот народного хозяйства бывшими

собственниками и в результате на перерождение Страны советов в государство, основанное на частнокапиталистическом правопорядке.

Международные конференции 1922 г. оставили после себя общую тактическую установку для всего буржуазного лагеря: это — внедрение частного капитала под видом концессий, завоевание экономики страны и последующая ликвидация пролетарской диктатуры.

Руководителями наступления заграничного капитала явились крупнейшие группировки бывших собственников, а непосредственное техническое выполнение антисоветских планов было возложено на вредительские организации внутри страны.

К этой позорной, предательской миссии контрреволюционная часть «обер-офицеров капитала» была подготовлена всем ходом классовой борьбы после окончания интервенции и начала восстановительного периода народного хозяйства. Правда, разгром белых армий рассеял надежды на «автоматическое» возвращение бывших собственников. Но на смену явились новые перспективы, создаваемые классовыми вождями антисоветских слоев технической интеллигенции.

Вот что показывает например один из руководителей контрреволюционной организации в военной промышленности бывший генерал *Высочанский*:

«После окончания гражданской войны, несмотря на то, что ее результаты показали организованность большевиков и бесплодность усилий белых армий, тем не менее антисоветские настроения как в нашей руководящей группе, так и в аппарате ЦЕПАЗ (Центральное управление артиллерийских заводов) не уменьшились. Разговоры наши о неминуемости изменения советского режима стали более частыми. Все мы сходились во мнении, что дальше так жить нельзя. Исключительно тяжелое хозяйственное положение страны и тяжелые бытовые условия жизни каждого из нас поддерживали нашу уверенность в нежизненности советского строя. Хотя большевики оказались сильными своей организованной армией, однако налицо были непреодолимые, с нашей точки зрения, затруднения, а именно: экономическое состояние страны, которое было приведено к окончательному упадку...

Большевики умеют создавать революционный подъем, но они не способны к разрешению экономических задач, у них нет для этого

ни уменья, ни людей. Разрушать легко — каково вновь создавать, да еще при таких тяжелых условиях...

Вот по существу темы разговоров, происходивших и в руководящей группе и в отделах ЦЕПАЗ. Эти политические настроения, охватывавшее не только участников организации, но и широкие слои сотрудников ЦЕПАЗ, а затем ГУРП, убеждали нас в правильности избранного пути и укрепляли антисоветскую позицию нашей руководящей группы».

При наличии таких настроений, консолидировавших вредительские группировки инженерства, новая экономическая политика трактовалась как первые шаги на пути к возврату буржуазного строя. Сменовеховство не замедлило оформить эти стихийные чаяния прислужников капитализма и подвести под них идеологическое обоснование. С разной степенью отчетливости, но это теоретическое оформление предпосылок для вредительской деятельности происходило в умах контрреволюционного инженерства.

Наиболее характерно этот процесс подготовки к новой активной вредительской тактике изложен в показаниях инж. *Сташевича*:

«Мне казалось, что чем больше развивался нэп, тем сильнее пульсировала жизнь. Я нарочно подчеркиваю эту обывательскую переоценку нэпа, которой я поддался. В то же время я познакомился со сменовеховской литературой, и мне казалось, что даваемый ею прогноз событий правилен и что термидор русской революции уже наступил... Многие толковали события и их значение по-устряловски и предсказывали постепенное усиление капиталистических черт в жизни России. В частности большинство из них смотрело на госпромышленность как на промышленность капиталистического характера...»

Весьма значительную роль в мобилизации контрреволюционных элементов инженерства сыграла внутрипартийная оппозиция. Троцкистские теории о «термидоре», сползании к буржуазному правопорядку укрепляли уверенность вредителей в правильности их тактики разрушения советской промышленности в целях насаждения концессионного капитала как орудия реставрации капитализма.

Инженер *Шухов*, участник контрреволюционной организации в НКПС, показывает:

«Благоприятную пищу для усиления контрреволюционных настроений в это время создавали курсировавшие в широкой публике и помещавшиеся в печати сведения о появившихся внутри коммунистической партии разногласиях...

Появились надежды на разложение или раскол коммунистической партии, казавшейся до тех пор невыблемой. Для дальнейшего развития таких настроений чрезвычайно благоприятными оказались выступления оппозиции... Для лиц, политически мало развитых и не разбиравшихся в сущности дискуссии, казалось, что наступает идейный развал, а с ним и конец того жестокого руководства всей жизнью страны, которое до тех пор осуществляла коммунистическая партия».

Политические цели и тактика контрреволюционной организации в этот период, как мы увидим из показаний арестованных, целиком совпадают с планами иностранной буржуазии.

Передавая речь *Пальчинского* на одном из заседаний вредителей, инж. *Подьяконов* показывает:

«Пальчинский кратко охарактеризовал предшествующую работу совета¹ по руководству работой разных организаций. Совет, по его словам, в программу своей деятельности поставил способствовать внедрению концессионного и частновладельческого капитала в СССР, чтобы этим путем изменить экономическую, а затем и политическую линию советского правительства в сторону предоставления частному и концессионному капиталу возможности вновь свободно развивать свою работу во всех областях хозяйства страны».

Ту же самую установку контрреволюционных группировок формулирует инж. *Рутковский*:

«Дело не должно было конечно ограничиться сдачей в концессию старым собственникам одного или нескольких хозяйственных объектов, дело должно было пойти дальше: к массовому внедрению старых собственников в советское хозяйство, а отсюда к изменению системы, характера советского хозяйства, а отсюда уже и к изменению и политического режима страны».

Стремление добиться в конечном счете в результате внедрения частного капитала изменения экономической основы советской власти и реставрировать частную собственность,

¹ Совет — одно из объединений контрреволюционной организации.

красной питью проходит в показаниях членов организаций, существовавших в различных отраслях промышленности.

Инж. Хренников, руководитель вредительской деятельности в металлургии и машиностроении, передает в следующих словах одно из «программных» выступлений Пальчинского.

«Далее Пальчинский говорил, что он как человек, объединяющий ряд вредительских организаций внутри Союза и осведомленный о намерениях находящихся за границей бывших владельцев, хотел бы поговорить о дальнейших направлениях во вредительских действиях. В частности Пальчинский указывал, как цель, добиться привлечения иностранного капитала в нашу промышленность в виде концессий, что это повлечет ослабление советского режима и в результате явится, как кризис, частная собственность. Пальчинский также указывал на то, что за границей бывшие владельцы готовы выступить и продолжать выполнять эту программу при условии получения концессии и что мы должны всячески этому содействовать».

Цитированный выше Рутковский дает сжатую, но весьма выразительную формулировку классовых целей, вдохновлявших вредителей на их преступном пути:

«Вся практическая вредительская работа моя вытекала из той основной установки, которую мне дал КГД¹ и в первую очередь Пальчинский. Эта основная установка заключается в следующем: «старые собственники должны вернуться».

Само собой разумеется, что столь желанные для вредителей бывшие хозяева не сидели за границей сложа руки. Они представляли собой идейный и организованный центр, который являлся руководящим штабом немногочисленной, но сплоченной и технически-квалифицированной армии вредителей.

Так например на одном из негласных совещаний эмигрантского торгово-промышленного союза в Лондоне в 1922 г. была вынесена резолюция, устанавливавшая общую тактику антисоветской борьбы на очередной период.

В этой резолюции мы находим следующий пункт:

«Связи, устанавливающиеся между иностранными и русскими промышленниками на почве взаимной защиты прав и содействия к со-

¹ КГД — клуб горных деятелей.

зданию в России нормальных экономических и правовых условий, создают благоприятные предпосылки для разрешения вопроса о привлечении иностранного капитала в хозяйство России».

В области организационной каждой отрасли советской промышленности соответствовала за границей особая группировка капиталистов, которые опекали «свою» вредительскую организацию, снабжали ее директивами, финансировали и осуществляли с ее помощью концессионные планы.

Показания инж. Подьяконова указывают претендентов на захват золото-платиновой промышленности.

«На заседании Пальчинский сделал общую информацию. Он сообщил, что за границей существуют две большие финансовые организации, которые близко заинтересованы по своему прежнему участию в русской золотопромышленности. Это — группа Уркварта, в которую входят и бывшая Ленская золот. компания и французская — Парижская группа, куда входят бывшие владельцы Березовских и Кочарских промыслов и русские золотопромышленники. Обе группы желают в виде концессии или аренды взять свои прииски. В отношении платины существует особый консорциум, который желает взять на себя реализацию русской платины за границей при условии дать капиталы для развития платинового дела и ее капитального оборудования».

Область цветной металлургии подверглась особенно сильному натиску иностранного капитала. Ее огромное значение в промышленности страны, с одной стороны, и заинтересованность Уркварта — с другой, создали предпосылки для широкого вредительского содействия концессионированию предприятий. Для того чтобы лично руководить деятельностью контрреволюционной организации, Уркварт прибыл даже в РСФСР. Перед выездом из Лондона в июле 1921 г., выступая на общем собрании акционеров Русско-азиатской корпорации, Уркварт намечал определенную ставку на вредителей:

«Большинство нашего личного состава и технического и административного управления, — заявил Уркварт, — находится на предприятиях и ждет нашего возвращения».

Последующая обстановка концессионных переговоров целиком оправдала расчеты английского капитала. Контррево-

людионная организация приняла все меры, начиная от консультации и кончая экономическим шпионажем, чтобы подготовить пришествие бывших собственников.

В показаниях инж. *Иванова А. П.* мы читаем:

«Уркварт в Москве жил около квартиры *Кисельникова* и *Лессига* и часто посещал их, ведя с ними беседы, связанные с теми или другими вопросами по испрашиваемой им концессии. Лессиг и Кисельников информировали его о взглядах и намерениях правительства, устанавливали тактику действий в предстоящих совещаниях, за что получили от Уркварта материальную поддержку, а также обещание пригласить их на службу. Такую же роль играл Шаров, который вернулся к моему приезду из поездки в Кыштым в качестве члена комиссии по определению стоимости восстановления Карабашского медного предприятия».

Вредительская организация в металлургии и машиностроении была наиболее тесно связана с границей. Начиная с 1921 г., руководители организации получали директивы бывших собственников о содействии концессионированию их предприятий. В работе по внедрению частного капитала в этой отрасли промышленности принимали деятельное участие «Торггиром» в Париже и английские промышленные круги.

Непосредственными проводниками концессионной тактики в металлургии и машиностроении являлись: англичанин Гласс — представитель акционеров Новороссийского (Юзовского) общества и Мещерский — директор-распорядитель акционерного общества «Сормово и Коломна». Со стороны контрреволюционной организации заграничные связи поддерживались главным образом инж. Хренниковым.

В его показаниях мы читаем:

«Когда приехал Гласс, он передал, что Мещерский просит передать мне и другим о том, что он собирается с помощью иностранных банков взять концессии, в частности на заводы ГОМЗы, и чтобы мы в этом ему содействовали...

Гласс сообщил, что за границей имеется группа бывших владельцев национализированных предприятий, которая поддерживается банками и собирается совместно выступить перед советским правительством с предложением о концессиях. Гласс мне говорил, что в эту группу входит он, Мещерский и др. и что я и другие инженеры должны всячески содействовать этой группе осуществить ее намерения...

Группа промышленников надеется на помощь как с моей стороны, так и других инженеров и отношении сдерживания развития производства и в создании финансовых затруднений путем преувеличения затрат на восстановление заводов».

Мы изложили выше при посредстве выдержек из показаний только основную часть обширной программы по восстановлению частной собственности на основе концессий. Иностранный капитал давал себе ясный отчет в том, что захват командных высот советской промышленности не осуществим в обстановке нормального хода восстановительного процесса в народном хозяйстве страны. Социалистические основы государственного строя вызывали к жизни новые творческие возможности, которые должны были обеспечить не только ликвидацию послевоенной разрухи, но и мощный размах индустриализации страны.

«Уже со второго приезда Гласса в 1923 г. всей организации было ясно, что при существующих условиях никакой надежды на сдачу заводов концессионерам не имеется и что советская власть на этот шаг не пойдет; поэтому оставалось выполнить предложение Гласса о постепенном приведении заводов в такое состояние производственного развала, которое понудило бы правительство сдавать их в концессию. В этом направлении и должна была быть построена работа каждого из участников контрреволюционной организации по своей специальности ¹.

Таким образом борьба за внедрение частного капитала была неразрывно связана с целой системой технически разработанного вредительства. Именно эти вредительские мероприятия должны были в конечном счете подготовить почву для капитуляции советской власти перед концессионным капиталом.

По заданиям бывших собственников на долю контрреволюционных организаций выпадала серьезнейшая задача. Вредительство являлось средством дискредитировать самую идею восстановления промышленности собственными силами, без помощи частного капитала.

Размеры этой работы не позволяют нам с исчерпывающей полнотой развернуть перед читателем все многообразие

¹ Показание ниж. Неймайера — члена вредительской организации в металлопромышленности.

вредительских методов, направленных к этой основной цели. Поэтому ограничимся несколькими выдержками из показаний, которые дают представление о масштабе так называемой концессионной тактики.

«Первый этап практической работы, — показывает инж. Рутковский, — вытекающий из этой установки, можно назвать концессионным. Наша задача заключалась в том, чтобы соответствующим образом подготовить общественное мнение, создать условия для широкого привлечения концессионеров, облегчить последним возможность получения тех или иных объектов. Наша работа велась по двум линиям: по линии клуба горных деятелей, дававшего общую установку, и по линии соответствующих советских, хозяйственных и планирующих учреждений, практическими работниками которых мы были и в которых многие из нас занимали командные должности».

В одном из своих показаний инж. Подьяконов излагает в сжатом виде речь Пальчинского, произнесенную им на совещании руководителей различных контрреволюционных организаций и посвященную вопросу о концессионной тактике. Приведем из нее следующую выдержку:

«В этих целях отдельные организации развивали свою работу в направлении искусственной задержки роста государственной промышленности, не удовлетворяя своевременно ее нужд и запросов, не выявляя, а, наоборот, скрывая имеющиеся в ней возможности, в смысле запасов в недрах, возможных источников сырья и т. д., и наконец путем прямого вредительства направляя работы так, чтобы они не давали ожидаемого от них эффекта, возбуждая одновременно недовольство рабочих масс проводимыми советским правительством мерами по внедрению и поддержанию производительности труда, а также истолковывая в заведомо неверном свете все проводимые меры по экономии в народном хозяйстве».

Приведем еще одно показание инж. Рутковского, показательное тем, что члены организации в процессе своей вредительской деятельности в промышленности все время имели перед собой ясные и широкие политические перспективы.

«Ближайшей нашей задачей было всемерное содействие насаждению частной аренды и концессий в области золото-платиновой промышленности... Мы продолжали нашу преступную деятельность в других формах: форме саботирования начинаний хозорганов в деле

восстановления промышленности и в таком отношении к нему, которое мы определяли выражением: «чем хуже, тем лучше», что значило, что чем больше трудностей и неудач встретит власть на пути хозяйственного строительства, тем скорее она убедится в непригодности социалистических методов этого строительства и тем скорее она начнет эволюционировать экономически и политически в указанном выше направлении, представлявшемся нам единственно спасительным для страны. Из такой установки логически вытекали и те преступные вредительские действия, в которых мы повинны».

Мы дали краткую характеристику общих методов, направленных к дискредитации социалистических основ развития промышленности. В повседневной деятельности членов организации концессионная тактика выражалась в целом ряде конкретных вредительских актов, подрывающих основы народного хозяйства. Эта область чрезвычайно обширна, так как контрреволюционные организации охватывали целый ряд отраслей нашей промышленности и всюду вели вредительскую подготовку по внедрению частного капитала.

Иллюстрируем поэтому конкретное вредительство несколькими примерами из основных отраслей промышленности.

Вот несколько выдержек из показаний Хренникова о вредительстве по линии металлопромышленности:

«На основании директив, полученных из-за границы от бывших владельцев в 1924 и 1925 г., намечен был между членами организации следующий план вредительства: *производить на заводах затраты на переоборудование и расширение с тем, чтобы эти затраты не дали быстрых результатов, а пригодились потом концессионерам.*»

Далее Хренников перечисляет ряд вредительских актов:

«Постройка одновременно четырех батарей коксовых печей в Югостали, причем все батареи из-за недостатка ассигнования строятся медленно; вместо этого надо было бы строить быстро по очереди и вводить их в работу. Умышленная затяжка постройки доменной печи в Макеевке *из-за недостаточных ассигнований, которые умышленно распылялись на другие работы, затягивая ее окончание.* Преуменьшенная смета Керченского строительства. Закупка излишнего в данный момент оборудования, например три воздуходувки, четвертая батарея коксовых печей для Югостали. Умышленная затяжка приспособлений и переустройства вагонных мастерских Брянского завода путем постепенного увеличения программы производства и т. п. Проведение всех этих вредительств по Югостали ложится на членов организации *Свицына и Жданова...*»

Жданов до 1925 г. умышленно задерживал совместно со Свицким пуск заводов, стоявших на консервации, притом одних из лучших, как например Макеезский, Днепровский, Енаклевский и др. Это было сделано в интересах бывших владельцев и во вред советской власти. В 1925 или 1926 г. была проведена Ждановым во вредительских целях преуменьшенная смета Керченского завода без проекта и достаточных материалов. В результате получилось, что вначале намечалось около 20 млн., а вышло свыше 40 млн. руб. Неправильно составлена опись оборудования, подлежащего заказу за границей по Югостали. Ждановым же вместе со мной проводились через Метплан и дальше до Госплана включительно умышленно сокращенные программы производства».

В области цветной металлургии все усилия контрреволюционной организации были направлены на срыв восстановительных работ и сдачу в концессию.

Инж. Лесиг, член вредительской группировки, показывает:

«Все участники комиссии, кроме Андронникова и Вандербеллена, были сторонниками концессии и составляли из себя группу единомышленников. Перед комиссией стоял вопрос об определении капитальных затрат для восстановления всей цветной промышленности СССР. Общая потребная сумма капитальных вложений была определена и принята комиссией примерно в 20 млн. руб. Как распределялась эта сумма по отдельным объемам, я не помню, за исключением Риддера, на который было отпущено 5,2 млн. руб. Явное преуменьшение капитальных затрат на указанные объекты строительства до 20 млн. руб. имело ту цель, чтобы побудить правительство отпустить недостаточные средства, начать на них водоотлив шахт, подготовку выработок и прочие восстановительные работы. Наша группа надеялась, что в ближайшем же будущем, как только выяснится, что отпущенные на цветную промышленность средства окажутся далеко недостаточными, правительство ввиду тяжелого материального положения страны не сможет пойти по пути дальнейших капитальных вложений и сдаст предприятия цветной промышленности в концессию...

Дальнейший план вредительства по Риддеру заключался в том, чтобы путем задержки постановки электролиза цинка поставить Риддер в нерентабельные условия и тем самым способствовать сдаче его в концессию. Электролиз цинка требует большого количества энергии, а именно — около 4 тыс. квт.-час на каждую тонну цинка. Следовательно для задержки электролиза цинка необходимо было отложить строительство крупных гидростанций — Ульбинской или Убинской. Совершенно очевидно, что вредительский план проводить было можно только лишь с большой осторожностью, чтобы он сразу не был раскрыт. Поэтому мною не только была двинута и успешно

заключена работа по восстановлению рудника, дооборудованию обогатительной фабрики, постройке свинцового завода, усилению провозоспособности Риддерской ж. д., постройке Хириюзовской гидростанции, обслуживающей все цехи и недостаточной для электролиза цинка в промышленном масштабе, но и поднят вопрос о постройке дистилляционного цинкового завода. Мотивировка остановки мною строительства Ульбинской станции была достаточно убедительна — невозможность по причине узких мест (транспорт, недостаток строительных материалов) и ввиду отсутствия детального проекта, а также ввиду ненадежности грунта под Тишинскую плотину вести это строительство. На самом деле можно было тогда же летом 1926 г. приступить к проходке 2-верстного туннеля, так как для работы не требовалось ни подвоза большого количества материалов, ни детального проекта; что же касается Тишинской плотины, то таковая не являлась обязательной (бесплатиновый вариант).

Наиболее характерными моментами вредительства по Уралплатине являлись консервация недр для будущих концессионеров и вовлечение советской власти в излишние, непроизводительные расходы.

Об этом говорят показания члена организации инж. *Доменова*:

«Первым актом вредительства нужно назвать Тагильский проект, который мы пустили с целью вредительства раньше времени, в то время, когда его можно было пустить тогда, когда были бы произведены капитальные разведки. Он был сырым, а мы его пустили. Можно еще назвать проект Иссовского драгостроения. Тогда предполагалось по этим двум проектам запросить 22 млн. руб. Цель была такова: советская власть 22 млн. дать не может, а раз не может, отсюда вывод: нужно сдать в концессию; но вышло не так.

Это первый акт. Он не вполне удался; удался же в том отношении, что Тагильский округ поставил больше драг, чем это было нужно. Поэтому же в процессе работы вынуждены были одну драгу перебросить в Кытлым. Теперь второе — одновременно с этим был утвержден проект переброски каменных драг. Это — тоже вредительство, потому что они еще могли работать. Это было с целью, чтобы сохранить долину Нясьмы; потом вывели из строя киновскую драгу, и долина Нясьмы была поставлена на консервацию. Третий акт вредительства — после того как были восстановлены все старые драги, стали их выводить из строя. Тагильские драги были предназначены к выводу, когда придут новые драги, но мы этого не дождались и остановили их. После этого мы остановили иссовские драги. Затем в 1927 г. был последний акт нашего вредительства — это постройка пяти драг, правда, потом остановились на четырех драгах, на основании необоснованного проекта иссовского драгостроения».

Особенно показательным является вредительство по таким промышленным объектам, которые открывали широкие перспективы для эксплуатации их собственными силами государства. Вот в каком виде рисуется тактика контрреволюционных организаций в отношении Алдана:

«В связи с Алданом нашей группой было выдвинуто предложение, встретившее успех, о назначении туда в качестве члена правления и технического руководителя инженера *Подьяконова С. А.*, который должен был поставить разведочные работы так, чтобы подорвать хозяйственное положение треста Алданзолото и тем способствовать его сдаче в иностранные руки»¹.

Инж. Подьяконов детализирует следующим образом эту вредительскую установку московского руководства:

«Согласно заданию центра организации, я увеличил размеры программы до 450 пудов, явно невыполнимых. Провести это не встретилось затруднений, так как все были ослеплены результатами первого года. Программу разведок, также согласно заданию, я провел так, что сосредоточил все разведки в том же районе первого года, не поставил дополнительные разведки на р. Томоте, где предварительная разведка являлась слишком недостаточной и где были настойчивые указания, что там есть золото. Не ввел в программу разведку на жильное золото, хотя указания на его присутствие были по вершине прииска Лебединского».

Вредительская деятельность на транспорте имела своеобразные установки. О сдаче железных дорог в концессию иностранному капиталу конечно не могло быть и речи, как бы ни были велики разрушения, причиняемые транспорту контрреволюционной организацией. Поэтому вредительство в НКПС, относящееся по своему характеру к концессионному периоду, ориентировалось на восстановление частной собственности в тот момент, когда «эволюция» советской власти, под воздействием внедрившегося иностранного капитала, приведет ее к самоупраждению.

Ослепленные классовой ненавистью к пролетарской диктатуре вредители на транспорте глубоко верили в это «второе пришествие» частной собственности. Эти надежды, в соеди-

¹ Показания инж. Крылова.

пени с заграничными директивами бывших акционеров, направляли вредительство по пути самого разнообразного обогащения бывших частных железных дорог.

Ввиду особо централизованного характера управления транспортом перед контрреволюционной организацией, захватившей руководящие посты в аппарате НКПС, открывались исключительно широкие перспективы, которые конечно полностью были использованы вредителями.

Член контрреволюционной организации инж. Шухов показывает:

«В одном из моих предыдущих показаний я показал, что наша организация выполняла функции нелегального совета правления бывших частных железных дорог. В этом направлении наша организация действовала двумя путями, а именно... и путь второй — усиление бывших частных железных дорог как за счет снабжения их материалами и денежными средствами в ущерб остальным дорогам сети, так и за счет соответствующего перераспределения самой сети железных дорог. Частные железные дороги усиленно снабжались новым подвижным составом: Казанская дорога получила парк товарных паровозов из новых паровозов серии Э взамен негодной Фиты, отправленной на Ташкентскую и Закавказскую; Киево-воронежская и Юго-восточная получили парк новых паровозов СУ, а их паровозы серии Б были отправлены на Ташкентскую, Средне-азиатскую и Закавказскую; Казанская дорога получила несколько сот новых пассажирских вагонов; Северо-кавказская, с примыкающими мелкими частными дорогами, получила громадные средства на восстановление подвижного состава; не была обижена и Рязано-уральская, получившая много пригодных вагонов и новые паровозы; что же касается бывшей Виндавской ж. д., распыленной между М.-Б.-Б. и Северо-западными, то эта дорога ничем не поддерживалась, так как, с одной стороны, ее интересов в нашей организации никто не представлял, а с другой стороны, — она входила в число прифронтовых дорог, усиление которых наша организация тормозила...

Точно так же частные дороги усиливались путем усиленной смены рельсов (Казанская, Рязано-уральская, Киево-воронежская), развитием пропускной способности (Северо-кавказская, Казанская и т. п.), развитием узлов (Ростов, Сортировочная, Казанская дорога) и т. д... Следует указать, что ряд мероприятий, указанных выше, служа интересам частных дорог, в то же время в современных советских условиях была вредительским как по своему объему и преждевременности, так и ущербу, наносимому попутно остальным дорогам нашего Союза. Например были запущены Ташкентская и Средне-азиатская, Курская, недоусилена Омская, ослаблена экспортная Закавказская и т. п.

В план нашей организации как совета входили еще два мероприятия, которые были уже частично проработаны, но не проведены в жизнь благодаря начавшемуся разгрому нашей организации, т. е. арестам. Эти два мероприятия заключаются в перестройке дорог, сети и в реорганизации форм управления дорогами. Целевая установка этих мероприятий была следующая: 1) перестройка (перераспределение сети) должна была усилить доходность частных дорог за счет присоединения доходных участков казенных дорог; 2) реорганизация управления дорогами давала возможность после возвращения дорог частным владельцам перейти безболезненно на формы управления, отвечающие предполагаемым большим сетям, перенося таким образом все неурядицы, обычно связанные с новыми организационными формами, на советскую власть. Насколько помню, подготавливался проект перестройки, по которому доходная казенная Нижегородская линия должна была отойти к Казанской дороге, а часть бывшей Екатерининской — к Северо-кавказским. Проект же реорганизации управления намечал создание больших сетей от 5 до 10 тыс. км с децентрализованным центральным управлением и сильными местными линейными управлениями, что в будущем, считавшимся организацией недалеким, дало бы частным дорогам гибкий и дешевый аппарат, а советской власти — всю тяжесть переживания организационного периода. Все это должно было пройти под флагом «рационализации» и госплановского районирования территории СССР».

Подведем теперь краткие итоги описанного этапа в жизни контрреволюционной организации.

Вредительская деятельность, проводившаяся контрреволюционной организацией на основе концессионной тактики, охватывает продолжительный период — с 1921 по 1926 г.

В течение этого времени вредительство широко охватило различные отрасли промышленности, сказавшись особенно сильно непосредственно на производстве. Чрезвычайно трудно выразить в цифрах тот огромный ущерб, который нанесла народному хозяйству контрреволюционная деятельность классовых врагов социалистического строительства. Но несмотря на все усилия иностранного капитала, ставка его на реставрацию частной собственности в Стране советов была окончательно бита.

Вредительская деятельность подпольных организаций не могла сорвать строительства промышленности и принудить советскую власть к сдаче командных позиций в руки концессионного капитала. Вместе с крахом концессионной так-

тики исчезли и те политические перспективы на самоликвидацию диктатуры пролетариата, которые строились так называемыми великими державами в период Генуи и Гааги.

В соответствии с этими итогами концессионного периода, приблизительно в 1926/27 г., начинается пересмотр тактических ценностей и в рядах членов контрреволюционной организации. Руководящий центр ее счел своевременным учесть опыт вредительской работы за истекшие годы и наметить дальнейшие перспективы.

Эти итоги не были утешительными для контрреволюционного лагеря. Вот в каком виде представлялись они руководителям организации, от имени которых говорил Пальчинский на совещании вредителей в начале 1927 г. Приведем часть этой речи в изложении Подьяконова:

«Промышленность СССР не удалось задержать, рост ее идет стихийно вперед, опрокидывая все препятствия, и таким образом в данный момент вся безуспешность работы вполне очевидна для совета. В то же время проводимая политика прямого вредительства, оставаясь безрезультатной, являлась опасной благодаря легкой возможности ее обнаружения при необходимости вовлекать в соучастие для совершения вредительских действий часто таких людей, на полное сочувствие которых нельзя было рассчитывать. Кроме того вредительство нельзя скрыть от рабочих масс, которые хотя и бессознательно, но всегда чувствуют, что развитию дела ставятся искусственные препятствия. Ввиду этого совет, обсудив положение дела, решил изменить свою политику и отказаться на будущее время от прежней политики прямого вредительства, сохранив ее в виде исключения лишь в тех предприятиях, где она была рассчитана на долгий срок, для постепенной и незаметной ее ликвидации, иначе внезапное прекращение вредительской политики могло бы сразу обратить на это внимание одним только резким улучшением положения дела».

Признание банкротства концессионной тактики вовсе не повлекло за собой ликвидацию вредительства как метода антисоветской борьбы.

До тех пор пока существует империалистическое окружение СССР, а внутри страны не ликвидированы остатки капитализма, классовый враг не приостановит ни на один момент своей контрреволюционной деятельности. Об этом ясно говорят дальнейшие этапы существования вредительской

организации. Указанное выше расширенное совещание руководителей верхов организации явилось отправным пунктом для построения новой вредительской тактики. Классовая борьба не знает перемирия. На смену отжившим методам срыва социалистического строительства рождается новая тактика. В 1926—1927 гг. концессионный период вредительства уступил место вредительству в планировании народного хозяйства и тактики создания всесоюзных кризисов.

III.

Итак «ударная» работа по линиям «конъюнктуры» уже не удовлетворяет вредителей. Не складывая этого оружия, они начинают действовать с расчетом на «перспективу». От конъюнктуры — к плану!

Вредительство в планировании народного хозяйства начало возникать впервые уже во втором периоде существования контрреволюционных организаций. Зачатки этой новой тактической формы относятся к 1924—1925 гг. Они зародились в результате постепенного приспособления антисоветской борьбы контрреволюционной части инженерства к обстановке намечавшегося реконструктивного этапа в развитии советской промышленности. Постановка на очередь широкого капитального строительства, окончательная централизация управления промышленностью во всесоюзном масштабе и наконец прочное закрепление вредительской верхушки на ответственных постах в высших хозяйственных органах, — все это вместе взятое давало предпосылки для первых попыток планового вредительства. Этот метод подрыва промышленности страны развивался параллельно с широким и бурным проявлением привычной тактики прямого вредительства непосредственно на предприятиях.

В следственных делах мы находим целый ряд показаний, свидетельствующих о первых шагах контрреволюционной организации на пути к новой тактике.

Так например в отношении вредительства по «Алдан-золоту» *Подьяконов* показывает:

«Я составил пятилетку капитальных затрат на сумму свыше 20 млн. руб. и ввел в программу 1926/27 г. 1 млн. руб. на

заказ 18-фут. драги Путиловскому заводу, не имея детально разведанной площади, и заказ оборудования на гидростанцию, не имея точных данных о дебете воды».

Как мы уже знаем, вредительская организация в НКПС отличалась исключительным подбором членов на самых ответственных должностях. Вполне естественно поэтому, что первые опыты планового вредительства на транспорте возникли задолго до оформления новой тактики в руководящем центре.

«К этому же периоду 1925/26 г., — показывает Шухов, — нужно отнести вредительскую работу по составлению или, вернее, искажению пятилетних перспективных планов развития транспорта. Эти планы составлялись по директивам членов ядра: Федорова, Красовского...»

Вредительство в планировании возникало одновременно и в других отраслях промышленности. Об этом говорят показания *Шишкина* относительно первой пятилетки по Югостали, следственные данные о составлении плана реконструкции Донбасса и т. д.

Помимо указанных вначале организационно-технических причин, толкнувших контрреволюционные организации на применение новой тактики, существовали политические факторы внутреннего и международного значения. Они подвели широкую теоретическую базу под систему планового вредительства и тем самым обосновали необходимость поворота в деятельности контрреволюционных организаций.

Уже в 1924/25 г. у бывших собственников начали появляться первые признаки разочарований в концессионной тактике. Промышленное развитие страны шло быстрым темпом вперед. Советская власть не проявляла никакой склонности к буржуазному перерождению вопреки кликушеству *Троцкого* и *устряловским* пророчествам.

Наши проницательные классовые враги своевременно отметили всю безнадежность внедрения иностранного капитала как средства экономического изжития советской власти. Директивы бывших собственников, относящиеся к 1924 —

1925 г., правда, говорят еще о концессионировании, но самая постановка вопроса ясно указывает на неизбежность новых политических целеустановок.

Весьма характерно в этом отношении показание Хренникова:

«Все разговоры о концессиях, ведшиеся до 1925 г., ни к каким результатам не повели. В это время приезжали еще концессионеры, насколько помню, Животовский, Олоньон, представители бывших владельцев, которые при свиданиях с разными инженерами (например, помню, Животовского со Ждановым) возбуждали вопрос о необходимости создания соответствующей обстановки для принуждения правительства прибегнуть к концессиям. Основной директивой бывших владельцев в период 1925 г. было доведение правительства до финансового кризиса путем больших затрат на восстановление и расширение металлургии. На основе этого контрреволюционная группа в металлопромышленности постепенно перешла к активным действиям, и эта группа приняла более организованный вид».

Такое направление вредительской деятельности, непосредственно посягающее на существование советской власти, находилось в тесной зависимости от международного положения Союза. 1924—1925 гг. явились началом генерального наступления западно-европейского империализма против рабоче-крестьянской республики. Вспомним такие факты, как победа консерваторов в Англии, угрожающие ноты Чемберлена по поводу «большевистской пропаганды» и конференцию держав в Локарно. Все последующие годы в Европе прошли под знаком создания единого антисоветского фронта с целью военной борьбы с диктатурой рабочего класса. Лихорадочный темп подготовки интервенции против Советского Союза диктовал контрреволюционным организациям необходимость постановки новых вредительских целей в процессе антисоветской борьбы внутри страны.

Ставка империалистов на вооруженное свержение советской власти требовала длительной и глубокой дезорганизации всего народного хозяйства Союза для подготовки успеха будущей интервенции.

Новая тактика, стихийно зарождавшаяся в ходе вредительства еще в концессионный период, получила окончательное оформление к 1926—27 г.

На одном из собраний руководителей контрреволюционной организации в начале 1927 г. были четко намечены новые вехи для вредительской деятельности. Приведем следующую выдержку из речи *Пальчинского* о решении так называемого совета вредительских организаций:

«В дальнейшем совет наметил политику воздействия на нормальный ход хозяйственно-экономической жизни страны путем создания в ней непрерывных кризисов на почве несоответствия размеров производства одних отраслей промышленности предъявляемому на него спросу со стороны других отраслей и населения. Основным средством для этого, по мнению совета, является работа организации и членов ее в области программной как при обычных годовых программах, так и в особенности при составлении программы на пятилетие и более долгие сроки. Сведения для этих программ и их составления должны проводиться таким образом, чтобы результатом их являлся непрерывный, если можно выразиться, хозяйственный кризис, переживаемый страной то в той, то в другой области хозяйства. При сложности явлений хозяйственно-экономической жизни такой обширной страны, как СССР, где хозяйство еще находится в стадии организационной, где многие факторы еще не изучены и относительно их значения существуют большие разногласия даже среди партийных работников, проведение такой политики в области программ гарантирует возможность ее наилучшего сокрытия, и даже в случае обнаружения хотя бы и крупного несоответствия программы действительным нуждам, — такое несоответствие всегда может быть объяснено или ошибкой, или недостатком средств, или невозможностью учесть всю сложность создавшейся обстановки.

В то же время эта политика затронет самые широкие слои населения. Кризисы в области промышленности, работающей на нужды населения, увеличат неизбежно цены на фабрично-заводские изделия и создадут недовольство крестьян, результатом которого будет сокращение сельского хозяйства и потому — недостаток и дороговизна этих продуктов, что в свою очередь создаст недовольство и в широких рабочих массах. В то же время недостаток основного сырья как следствие кризисов сделает необходимым закупку их за границей, что не может не отразиться на положении денежного и финансового хозяйства и на устойчивости валюты».

(Показание Подьяконова.)

Эта новая установка на подготовку поражения Советского Союза в будущей войне получила применение по линии всех вредительских организаций.

Вот что показывает папример член организации в НКПС инж. *Длуховской*:

«Примерно весной или летом 1927 г., точно чего помнить не могу, наступил второй этап вредительства, получивший политическую установку и организационное оформление.

...Среди этих разговоров выяснилась основная линия Красовского, а именно: Красовский говорил, что если на транспорте создать такие же кризисы, какие сейчас наблюдаются в стране в других отраслях хозяйства, то это будет способствовать еще большему ослаблению советской власти. Это была четкая и ясная вредительская установка.

...Миткевич и Лавров Никита высказывались, что тактика наибольшего ослабления большевиков путем создания кризисов на транспорте является правильной, и они определенно стояли за такой метод действия».

В таком же духе трактовалась новая тактика вредительства членами контрреволюционной организации в золотоплатиновой промышленности:

«Один из таких возможных путей, — показывает инж. Стахевич, — это легко осуществимое, при наличии вредительства в центральных хозяйственных и планирующих органах (ВСНХ, НКПС, Госплан), создание кризисов благодаря непропорциональному, дисгармоничному развитию отдельных отраслей промышленности. В результате были бы налицо например уголь и кокс, но не было бы руды, а сталь быть и металла. Отсутствие металла расстраивает работу восстановленных и вновь построенных машиностроительных, вагоностроительных и рельсо-прокатных заводов. Таким образом наши хлебоборобы и совхозы остаются без сельскохозяйственных орудий, железные дороги — без достаточного количества рельс, вагонов и т. д. и т. д. На рудниках создаются залежи руды и угля, на элеваторах и сыпных пунктах — хлеба в силу расстройств железнодорожного транспорта. Встает необходимость массового сокращения производства и расчета рабочих...

Короче говоря, создается обстановка, благоприятная для вторжения армий интервентов».

Вредительство, проводившееся на основе новой тактики, грозило стране неисчислимыми бедствиями. Плановая работа по главнейшим отраслям тяжелой индустрии и транспорту проходила не только при непосредственном участии вредителей, но зачастую под их прямым руководством. Контрреволюционная организация имела возможность влиять на искривление коренной промышленной реконструкции, которая была рассчитана на большой промежуток времени и огромные вложения государственных средств.

Вредительская работа организации по этим основным направлениям вела к подрыву всей хозяйственной жизни страны, поскольку построение перспективных планов на основе ложных данных создавало катастрофические неувязки между различными отраслями промышленности.

Вредительство в этой области представляло тем большую опасность для государства, что ошибки, допущенные в исходном положении народного хозяйства, могли обнаружиться по истечении ряда лет. Самые радикальные мероприятия зачастую могли бы оказаться бессильными предотвратить те кризисы, которые были predeterminedены неправильными капитальными вложениями и искажением перспектив хозяйственного развития.

Для иллюстрации практического приложения новой вредительской тактики приведем несколько показаний по важнейшим отраслям промышленности.

О кризисах в области металлопромышленности инж. *Беломожкин* показывает следующее:

«Вся наша деятельность по реконструкции металлопромышленности базировалась на нашем антисоветском настроении. Я не только не отмежевываюсь от работы указанных лиц в Главметалле, но признаю себя виновным в том, что, принимая участие в общей работе Главметалла, благодаря своему антисоветскому настроению совместно с другими вышеуказанными лицами задерживал темп развития черной металлургии, следствием чего явился металлический голод в стране.

Основной причиной возникновения металлического голода явилось несоответствие программы машинообрабатывающих и металлообрабатывающих заводов с возможной производительностью наших металлургических заводов...

Все это привело к несвоевременному выполнению намеченных производственных программ, и в результате наша металлопромышленность не получила нужного ей количества черного металла. Этот срыв повлек за собой срыв программы машиностроения, неудовлетворения сельского хозяйства необходимым количеством сельскохозяйственных орудий, поставил под удар развитие транспорта и удовлетворение нужд НКПС; задержалось производство средств производства, и вся программа индустриализации страны могла потерпеть крушение...

В результате получился тот хаос в металлопромышленности, когда каждый трест шел и идет куда-то, но общей, правильно установленной линии нет. Это привело к разрыву между работой наших металлообрабатывающих и металлургических заводов, создало увеличенную продукцию одних и недостаточную других, — при затрате

громадных капиталов на переоборудование и реконструкцию отдельных производств. В конечном итоге получился металлический голод, финансовое бессилие и невыполнение твердых директив правительства по развертыванию основных отраслей металлопромышленности, являющейся фундаментом для широкой индустриализации страны».

Под знаком планового вредительства проходила деятельность контрреволюционной организации в нефтяной промышленности. В показаниях инж. *Покровского*, главного инженера по постройке нефтепровода Грозный — Туапсе, мы читаем:

«Механика вредительства последнего времени состояла в том, что вредители в производстве (трестов) представляли проработанные ими планы. Планы эти окончательно прорабатывались вредителями и ВСНХ и представлялись в Госплан. Так например привожу факты из грозненской промышленности. Производственная программа на 1926/27 г. была представлена с явно преуменьшенной добычей и такой же переработкой, при недостаточном выходе светлых продуктов и преувеличенных капитальных затратах. При этом разведка была указана в отдаленных от Грознефти местах. Этим самым проведение указанных выше вредительских линий в планах Грознефти, утвержденных Главгортопом, привело к меньшей эффективности результатов капиталовложения и задерживало развитие Грознефти. Обводнение пластов доказывали теорией синклинальных вод, а увеличение фонтанных добыч объясняли фонтанным характером новогрозненских месторождений. Такая вредительская политика, координированная с угольной промышленностью, давала в результате недостаток топлива для внутреннего рынка страны. Не буду подробно останавливаться на проводившейся вредительской линии в крекинговом строительстве, которое привело к срыву экспорта бензина и которое мною излагается в отдельном показании».

Приведем еще показания инж. *Красовского* о плановом вредительстве в области транспортного хозяйства. Деятельность контрреволюционной организации характерна в данном случае тем, что она охватывает верхние звенья советского аппарата: наркоматы и Госплан.

«Перспективные планы, прорабатываемые и составляемые членами нашей организации, а именно — *Ванифантьевым, Шуховым, Федоровым, мною, Янушевским* — были неправильны. Составлением таких неправильных планов наша организация преследовала следующие цели:

1. От государства требовать преувеличенные денежные средства, внося тем дезорганизацию государственного бюджета.

2. Скрывать режим экономии отказом от изыскания средств внутри транспорта (рационализация, технико-организационные мероприятия).

3. Скрывать преуменьшенными измерителями дезорганизаторскую работу членов организации, работающих на оперативной работе.

4. Вызывать в ближайшие годы диспропорцию в различных отраслях транспортного хозяйства...

Вредительская деятельность *И. О. Янушевского* носила вполне продуманный и злостный характер. Деятельность эта выражалась не только в пропуске вредительских перспективных планов, вносимых нашей организацией в транспортную секцию Госплана, но и в самой активной их черновой проработке, причем Янушевский углублял нашу вредительскую линию в области перспективных планов. Так например он все время настаивал на увеличении паровозо- и вагоностроения, идя в этих областях значительно дальше наших преувеличенных расчетов. Для черновой проработки всего вредительского комплекса эксплуатационных и тяговых вопросов (грузооборот, измерители, потребность в новом подвижном составе, потребности в оживлении подвижного состава и т. п.) к Янушевскому ездили следующие члены нашей организации: я, Федоров, Шухов и Ванифантьев. После того как мы стоваривались с Янушевским по существу того или другого вредительского плана, он проводил эти планы в соответствующих инстанциях. При обсуждении вопросов нового паровозостроения Янушевский проводил вредительскую линию на форсирование нового паровозостроения за счет исключения старых паровозов из инвентаря».

Приведенными выше показаниями мы достаточно ярко охарактеризовали теоретические обоснования новой тактики и практическое проведение ее в жизнь вредительскими организациями. Как мы видим, особенность новой тактики заключалась не только в самом методе планового вредительства, но также в иных политических целеустановках по сравнению с концессионным периодом. В 1926/27 г. вредительская деятельность была перестроена под знаком дезорганизации народного хозяйства Союза в целях подготовки вооруженного свержения советской власти и восстановления буржуазного строя.

«Считалось, — показывает инж. *Покровский*, — что консервативное правительство Англии, а также Франции достаточно сильны и могут провести интервенцию для восстановления буржуазного строя.

Не рассчитывая на активность внутри СССР отдельных классов, мы считали, что интервенция рано или поздно должна будет, по нашему мнению, последовать и что советская власть не сможет

ей противопоставить реальное сопротивление, что должно повлечь за собой падение большевиков...

Считалось необходимым по тем же полученным из-за границы директивам содействовать и создавать вредительскими действиями условия, облегчающие и способствующие интервенции.

С момента перехода вредительских организаций на новую тактику особое значение, с точки зрения конечных целей, приобретала военная промышленность Союза. Начиная с 1918 г. вредительская организация под руководством бывших генералов — Михайлова, Высочанского, Дыммана и Кургуева — вела систематическую работу по подрыву обороноспособности страны. В силу специфического значения этой промышленности контрреволюционная организация военных инженеров на всех этапах своей вредительской деятельности ориентировалась на будущую войну и интервенцию.

Однако с 1924/25 г., в связи с обрисованной нами выше международной обстановкой, активность организации начала значительно возрастать. Именно с этого времени наблюдается приезд иностранных агентов, которые привозят из-за границы специальные директивы по усилению вредительства в военной промышленности.

По вполне понятным причинам мы не можем осветить перед читателем приемы и объекты вредительской работы.

Из сферы деятельности данной организации мы коснемся только общих политических и стратегических вопросов, которые дополняют концепцию новой тактики заговорщиков.

Один из главарей контрреволюционной организации Михайлов, бывший помощник начальника Главного военно-промышленного управления четко формулирует связь между политическими целями и методами антисоветской борьбы. В его показаниях мы читаем:

«Конечная политическая цель, которую преследовала контрреволюционная организация, было свержение советской власти и установление нового государственного строя.

В соответствии с этой целью контрреволюционная организация и построила весь план своей работы.

Обороноспособность страны одной из главнейших баз имеет военную промышленность и определяется в сильной мере состоянием этой последней.

Контрреволюционная организация по пути к своей конечной цели поставила ближайшей практической задачей — проводить непрерывное и планомерное расстройство военнопromышленного дела во всех его частях и тем самым тормозить всемерно укрепление и развитие обороноспособности и военной мощи.

«Давно уже стало ясно, что свержение советского строя в обстановке мирного времени — задача невыполнимая. Советская власть, несмотря на все трудности положения, непрерывно укреплялась. Она могла быть устранена лишь при условии внешнего вмешательства. Необходима была война и поражение в этой войне СССР».

Оценку вредительства с точки зрения подрыва обороноспособности страны дает также бывший генерал Орлов, занимавший должность главного инженера Ружейно-пулеметного треста:

«Отбросив мои несколько различные принципиальные расхождения с организацией по конечным целям, все же приходится формулировать основную задачу организации — ослабление обороноспособности нашей страны за счет торможения и разрушения военной промышленности. Это разрушение военной промышленности стояло в прямой зависимости от готовящейся интервенции иностранными державами против СССР, а следовательно и самое вредительство было направлено в сторону содействия стороне, нападающей на Советское государство.

Вредительство было средством, чтобы поставить СССР перед фактом неподготовленности к войне, — вернее, вредительством организация хотела сорвать предполагаемую мобготовность.

Мобготовности организация придавала большое значение, ибо война могла быть только короткой, базирующейся только на мобготовности, а чем меньше этой готовности, тем больше содействия стране, собирающейся воевать с Советами.

Говоря о короткой войне, я имею в виду, что воевать против нас могут только лимитрофы во главе с Польшей, и ближайшим объектом их действий явится Украина».

В области дезорганизации тыла на случай возникновения войны вредительская работа велась одновременно и в других областях, непосредственно обслуживающих нужды военного ведомства.

Член руководящего ядра контрреволюционной организации на транспорте инж. *Красовский* показывает:

«Военное вредительство, производимое нашей организацией на приграничных дорогах, выражалось:

1. В полной дезорганизации снабжения (материалы, запасные части для вагонов и паровозов).
2. В задержке кредитов на развитие пропускной способности и узлов, на ремонт подвижного состава.
3. В задержке проектов и темпа военных работ.
4. В создании разносерийности паровозного парка.
5. В усиленном развале паровозного и вагонного парка».

Не будем подводить итогов вредительства и его возможных последствий в области обороны страны. Констатируем только, что эту линию непримиримейших наших врагов контрреволюционная организация выполняла не за страх, а за совесть, не только с полным напряжением сил, но даже с каким-то энтузиазмом, граничащим с садизмом обезумевшего перед неизбежной гибелью классового противника.

Вот что пишет инж. *Макаровский* о вредительстве в авио-промышленности:

«Ее роль особо серьезна и особо важна. Авиация и ее опорная база — авиационная промышленность — вот исключительно серьезный объект вредительства. Бить, так только по больному месту, бить, так уж так, чтобы удар действительно почувствовался, а удар по авиации — самый чувствительный, так как в предстоящей схватке за право жить, за право сохранить самостоятельность авиация — и только авиация — будет решать, только авиация будет диктовать свою волю».

Наконец освещение стратегических моментов будущей войны можно найти в показаниях *Деханова* — бывшего генерала и члена правления Вохимтреста:

«План войны, — пишет он, — представлялся как короткий удар со стороны Польши с отрезом Украины и быстрым наступлением на Москву».

Ту же оценку военных перспектив дает бывший генерал *Деханов* — начальник арсен. подотдела оружейно-арсенального треста:

«По данному вопросу еще необходимо отметить следующее:

Если бы война приняла затяжной характер, то по прошествии примерно года производительность заводов сама собой должна была бы развернуться полностью, т. е. выпуск заводов был бы тогда равен действительной, раньше скрытой, мощности. Это конечно в план контрреволюционной организации не входило, и

наша ставка была на войну не длительного порядка. В этом случае расчеты строились на Польшу».

На период объявления войны контрреволюционная организация намечала особую систему мероприятий, которые должны были ослабить боевое снабжение Красной армии в первый период кампании:

«Само собой понятно, — показывает Михайлов, — что организация наша не могла ограничиться для достижения своих целей одними мероприятиями, осуществляемыми лишь в мирный период. Мероприятия этого порядка по своей природе дают результаты, в значительной части имеющие преходящий, временный характер. Время по мере хода своего постепенно залечивает раны, нанесенные вредительством. Затянувшаяся постройка в конце концов завершается. Заторможенные опыты и изыскания, хотя и с запозданием, тоже приходят к концу. Узкие места в производстве рано или поздно заполняются. Финансовый ущерб, причиненный умышленно при строительстве, в значительной своей доле имеет однократный характер. Даже сообщенные врагам секретные военные сведения в известной доле, иногда немалой, стареют и теряют ценность.

Поэтому организация попутно с текущим вредительством обдумывала и разрабатывала мероприятия, которые должны осуществляться в период войны и наносить ближайший и непосредственный ущерб работе промышленности уже в военной обстановке. Конечная цель всех этих мероприятий — всеми доступными способами и средствами ослабить техническую мощь армии, а следовательно и ее боеспособность».

Специальная подготовка на случай войны охватывала также другие отрасли промышленности, тесно связанные с работой военных заводов. В отношении химической промышленности Деханов дает следующие показания:

«В военное время намечались удары, выводившие заводы на короткое сравнительно время путем неправильной работы на установке, например в химической промышленности. Пожары и взрывы — это была как крайняя мера, вроде взрыва мостов, но опять-таки для создания лишь или узкого места или провала отдельной операции, но не всего завода в целом, чтобы завод мог быть восстановлен...

По Северохиму основными объектами были серноокислотные, особенно контактные, установки и азотноокислотные...»

Контрреволюционная организация в военной промышленности предусматривала также создание благоприятной обстановки для мобилизации боевых антисоветских элементов и устройства вооруженных восстаний в тылу.

«Я предлагал, — показывает Деханов, — для химических заводов при приближении неприятеля производить панику путем пуска, например, азотнокислотных газов, газов серной кислоты, создание паники путем стрельбы членами организации и т. п. и говорил, что, по моему мнению, на почве такой паники может объединиться более подвижной элемент, чем члены нашей организации, для активных выступлений».

Характеристика методов антисоветской борьбы будет неполной, если мы не коснемся, хотя бы в кратких чертах, шпионажа, проводившегося вредителями, и источников финансирования контрреволюционных организаций.

Не приходится говорить о технике и содержании шпионажа, исходившего от вредительской организации в военной промышленности. Эта область контрреволюционной работы — весьма деликатного свойства, поскольку шпионаж обслуживал интересы западно-европейских правительств и касался вопросов обороноспособности нашей страны.

Вредительские организации в гражданских отраслях промышленности также широко применяли шпионаж, систематически снабжая бывших собственников и агентов иностранных правительств самой разнообразной информацией об экономическом положении Союза.

Из следственных материалов явствует, что все без исключения заграничные связи, обслуживавшие вредительскую деятельность, использовались одновременно для передачи капиталистам секретных сведений о состоянии нашей промышленности.

Так например главные руководители вредительских организаций — Пальчинский, Федорович и Рабинович — держали в своих руках снабжение особо важной информацией агентов иностранных правительств и парижского эмигрантского торгово-промышленного и финансового союза (Торгпром); вредители треста «Донсода» занимались шпионажем в пользу мирового концерна *Сальва* в лице его представителя *Теплица*; члены контрреволюционной организации в цветной металлургии *Шаров* и *Лессиг* обслуживали на той же почве английского капиталиста *Уркварта*; вредители в нефтяной промышленности *Покровский*, *Голяк* и др. выполняли высокую миссию шпионажа в пользу самого *Детер-*

динга, а также Нобеля и парижского Торгпрома: наконец руководитель контрреволюционной организации в металлопромышленности *Хренников* систематически снабжал секретными сведениями бывших хозяев и представителей акционеров: Мещерского и англичанина *Гласса*. Добавим для большей ясности, что позади *Гласса* стояли крупнейшие английские концерны «Виккерс» и «Армстронг». Эти уважаемые промышленные предприятия, снабжающие вооружением английские армию и флот, финансируются крупнейшими банками, которые ведут против СССР наиболее агрессивную политику.

Ограниченные рамками газетной статьи, мы приведем из области шпионажа только краткие выдержки из показаний *Хренникова*:

«Признаю себя виновным в том, что систематически занимался вредительством и шпионажем, информируя англичанина *Гласса* о состоянии промышленности и о тех начинаниях, которые были мне известны...

Я систематически, хотя и с перерывами, начиная с 1921 по 1928 г., информировал *Гласса*... Был до революции директором Юзовского завода Новороссийского общества и доверенным этого общества...

В 1926 г. при свидании в Берлине *Гласс* мне сообщил, что он ведет переговоры с разными фирмами. В числе фирм упоминались: «Армстронг-Вирворт» и «Метро-Виккерс».

Наконец окончательно открывает завесу над шпионажем *Хренникова* показание *фон-Мекка* — члена вредительской организации в НКПС. В этом случае речь идет об учреждении, которое является важнейшим органом английской капиталистической разведки:

«Третье наше свидание с *Хренниковым* — пишет *фон-Мекк* — состоялось в помещении НТК. На этом свидании инж. *Хренников* сообщил мне, что «Централь Банк оф Ингленд» просил его переговорить со мной о том, чтобы я взял на себя обязанность давать через инж. *Хренникова* сведения о положении и состоянии железных дорог и выполнять сообщаемые мне указания».

Те же самые каналы, которые являлись проводниками шпионажа, выполняли одновременно роль питательных артерий в отношении контрреволюционного вредительства.

Агенты буржуазных правительств, иностранные капиталисты, бывшие собственники, — в общем весь лагерь черных сил, алчущих реставрации капитализма в Союзе, щедро финансировал преступную работу продажных антисоветских специалистов.

Приводить цифровые данные о субсидировании контрреволюционных организаций за счет заграницы, — это значило бы заполнять целые листы лицевыми счетами вредителей. Ведь не существовало ни одной контрреволюционной организации, которая оказалась бы в стороне от заграничного золота. Подачками иностранного капитала пользовались все члены организации сверху донизу, без различия «чина и звания», как то: профессора, светила техники и безвестные инженеры, попавшие во вредительские сети руководителей антисоветского заговора.

Показание *Рутковского* рисует перед нами вождей вредительства, выступающих в роли распределителей фондов контрреволюционной организации:

«В 1925 г. мне уже, со слов самих *Пальчинского* и *Рабиновича*, стало известно, что денежные фонды *Пальчинского*, и в частности деньги, которые я из этих фондов получал, эти фонды идут от старых русских собственников, находящихся за границей...

В этот период времени, в период времени с 1924 по осень 1926 г., я уже превратился, так сказать, в распределителя денежных фондов *Пальчинского*. Я приходил к последнему, говорил, кто из нашей московской группы в каких примерно суммах нуждается, и получал эти суммы от *Пальчинского*...

«Получавшиеся мною у *Пальчинского* деньги я раздавал названным выше лицам во время своих частых посещений ВСНХ и на совещаниях московской группы».

А вот несколько вариаций из области распределения заграничных субсидий среди сторонников «белой идеи».

Инженер *Иванов А. П.* — вредитель в цветной металлургии — показывает:

«Лессиг сообщил о получении им в счет причитающихся ему за работу по осведомительной работе от Уркварта 500 ф. ст. (5 тыс. руб.). Остальных членов группы за их работу снабжал деньгами, как равно и меня, Шаров. Я убежден, что приводным ремнем из-за границы был Шаров, часто туда ездивший».

Член организации в Южнорудном тресте инж. Мухин показывает, как иностранное золото доходило до периферии вредительской сети:

«Из московского центра, а именно от Рабиновича, получались мною денежные суммы в вознаграждение членов юртовской организации за их вредительскую работу для раздачи им...

Деньги эти получались им, Рабиновичем, от центрального объединения бывших владельцев промышленных предприятий в России, имеющего свое местопребывание в Париже».

Для иллюстрации масштаба субсидирования приведем показание инж. Покровского — вредителя по нефтяной промышленности:

«От Нобеля — Торгпрома, через Стрижева и А. П. Иванова, получено мною с 1924 по 1928 гг. — 165 тыс. руб. и от Нобеля — Торгпрома, через Федоровича, 42 тыс. руб.».

Вредитель из Грознефти — технический директор Роденский — заявляет:

«Всего через меня прошло, я считаю, 30—35 тыс. руб. Деньги мне передавал главбух А. П. Иванов, получая их от Стрижева».

Наконец покажем читателю, в каких дозах отпускалась валютная кормежка низовым членам организации:

Один из них — инж. *Туманский* (инж. Вохимтреста) — показывает:

«Первую сумму за вредительскую работу на Самарском заводе № 2 я получил от Деханова в размере 300 руб. Эти деньги мне были переданы на квартире через прислугу Деханова — Марию Ивановну. Эти деньги были израсходованы мною по мелочи на мои текущие надобности.

Вторая сумма была мною получена в размере 500 руб. таким же путем. Они были израсходованы так же, как и предыдущая сумма.

Третью сумму в размере 900 руб. я получил от Деханова лично в его кабинете на заводе в середине декабря 1927 г.

От столь прозаической темы, как финансирование «моих акул» (термин Деханова), перейдем к перспективам, которые намечались вредителями «на другой день» после уничтожения ненавистой диктатуры рабочего класса.

Контрреволюционная организация оказалась настолько предусмотрительной, что заблаговременно наметила отдельных министров будущего правительства. По мысли Пальчинского, зародышем его должна была явиться руководящая верхушка вредительской организации. Отмежевываясь от планов Пальчинского, их выдает целиком Хренников, когда дает следующее показание:

«Кроме того поставить так, чтобы общественно-организованное инженерство являлось закулисным правительством, с целью провала всего народного хозяйства и доведения государства до краха, как проводил Пальчинский, тоже не входило в мои намерения».

Это потенциальное подпольное правительство должно было в дальнейшем, оплодотворившись иностранной интервенцией, возглавить собой закабаленную страну.

Инж. *Покровский*, близко стоявший к вредительскому центру, который прикрывался легальной инженерской организацией, показывает следующее:

«Клуб горных деятелей, развив свою конспиративную вредительскую деятельность и воздействуя на разные отрасли руководящей промышленности, начал проводить более или менее планомерно свою политическую линию, сводящуюся к подготовке замены советской власти буржуазным строем, с так называемым «инженерным правительством», в которое должны были войти Пальчинский, Федорович и Рабинович, что мне стало известно в начале 1926 г от Федоровича при моих совещаниях с ним в Госплане и один раз у него на квартире».

Показания Покровского дают также представление о программе вредительской верхушки в области устройства промышленности и народного хозяйства страны после воцарения частного капитала:

«Политические вождедения руководящего центра вредителей в решающих отраслях промышленности, в том числе в нефтепромышленности, сводились к реставрации буржуазного строя в СССР.

В нефтепромышленности признавалось право государства на недра и сдача их крупным мировым концернам или банковским объединениям капитала. Шаров и, сколько знаю от Федоровича, также Иванов считали необходимым цветную металлургию передать иностранному капиталу в лице английской группы Лесли, Уркварта, а Рабинович и Федорович за необходимость передачи угольной промышленности прежним владельцам — французам и американцам».

Вот какой ценой намерено было уплатить «инженерское правительство» Пальчинского за добрососедскую услугу империалистов в деле свержения советской власти.

Само собою разумеется, что в показаниях вредителей отсутствуют прогнозы о судьбе рабочего класса под просвещенным режимом «инженерского правительства» Пальчинского. Впрочем этот вопрос ясен и без чистосердечных признаний членов контрреволюционной организации. Период первой интервенции еще не отошел в область преданий. Пролетариат и трудящееся крестьянство твердо помнят о неисчислимых жертвах, принесенных ими на фронтах гражданской войны ради утверждения Октября.

Стоя на страже завоеваний пролетарской революции, советская власть не допустит, чтобы кучка заговорщиков, идеологически сросшаяся с буржуазией и продавшаяся иностранному капиталу, подрывала экономическую мощь страны, вождедея о будущей интервенции.

На этот раз контрреволюционным организациям нанесен сокрушительный удар, который гарантирует социалистическое строительство на ближайший период от вредительских покушений в широком масштабе.

Однако обострение классовой борьбы внутри страны и нарастание агрессивности империалистических государств против СССР обязывают нас с особой бдительностью относиться к проискам врагов диктатуры пролетариата. В деле борьбы с возможными рецидивами вредительства в народном хозяйстве Союза должны выступить рука об руку с рабочим классом все те советские специалисты, которые беззаветно связали свою творческую работу с непоколебимым ходом нашей страны — «вперед к социализму».